

СУДЬБЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ АЛТАЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1920–1930-Х ГГ. ВАСИЛИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ МАНЕЕВ

Каташев Максим Степанович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск
kms_37@mail.ru

THE FATE OF THE NATIONAL ALTAI INTELLIGENTSIA IN THE 1920S–1930s. VASILY KONDRATIEVICH MANEEV

M. Katashev

Summary: The article is devoted to the study of the biography of a prominent public figure of Gorny Altai of the revolutionary and post revolutionary times Vasily Kondratyevich Maneyev, taking into account the involvement of new documents. Using his biography as an example, the fates of representatives of the generation of the national intelligentsia who entered into conscious life in pre-revolutionary times are shown. The publication concludes that the campaign of "General Purge" of the ranks of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) that began in the summer of 1929 led to the displacement of "old" cadres of specialists who could represent political disloyalty to the Bolshevik state.

Keywords: national intelligentsia, Revolution and Civil War, formation of the Soviet system, social activity, party purges.

Аннотация: Статья посвящена изучению биографии видного общественного деятеля Горного Алтая революционного и послереволюционного времени Василия Кондратьевича Манеева с учетом привлечения новых документов. На примере его биографии показаны судьбы представителей поколения национальной интеллигенции, вступивших в сознательную жизнь в дореволюционное время. В публикации сделан вывод о том, что начавшаяся летом 1929 г. кампания «Генеральной чистки» рядов ВКП(б) привела к вытеснению «старых» кадров специалистов, которые могли представлять политическую нелояльность по отношению к большевистскому государству.

Ключевые слова: национальная интеллигенция, Революция и Гражданская война, становление советской системы, общественная деятельность, чистки партии.

Исследование многих проблем региональной истории через призму биографий известных деятелей вызывает повышенный научный и отечественный интерес. Василий Кондратьевич Манеев сыграл видную роль в реализации национального самоопределения алтайского народа. Он являлся одним из пяти членов Алтайской горной думы – общественной организации национального самоуправления алтайцев, образованной в июне 1917 г. и одним из четырех руководителей Каракорум-Алтайской управы – исполнительного органа власти самопровозглашенного Каракорум-Алтайского округа – первого самостоятельного административно-территориального образования в пределах Горного Алтая. В.К. Манеев внес большой вклад в развитие народного образования и культуры во время обретения административно-территориальной самостоятельности Горного Алтая в 1919 г., а позже – в условиях становления национально-территориальной автономии алтайцев после образования Ойротской автономной области в 1922 г.

Между тем о личности В.К. Манеева известно очень мало, несмотря на его заметную роль в истории региона. Жизненный путь нашего героя рассмотрен Г.П. Самеевым, который посвятил ряд своих работ биографиям известных представителей национальной алтайской интеллигенции 1920–1930-х гг. Автор на основе документов Ойротского областного ревкома, фонда архив-

но-следственных дел, фондов ведомств и организаций Ойротского облисполкома коротко представил основные вехи жизни В.К. Манеева [16].

Целью данной статьи является исследование биографии В.К. Манеева за счет привлечения архивных данных Сибирского краевого комитета ВКП(б). В статье вводятся в оборот новые источники – материалы личного партийного дела В.К. Манеева и дела, созданного в 1929 г. по итогам «чистки» в связи с обвинениями «в активном участии в бандитизме, за связь с чуждым элементом и пр.».

В.К. Манеев родился 30 января 1892 г. в с. Чемал 1-й Алтайской дючины Бийского округа Томской губернии в алтайской семье. Отец был выходцем из Кокшинской инородной управы, земли которой располагались в междуречье рек Бии и Катунь, в нижнем их течении. В этих местах проживали переселившиеся из Кузнецкого уезда телеуты, которые до недавнего времени считались субэтносом алтайцев.

В своей автобиографии, написанной в 1924 г., В.К. Манеев упоминает, что в хозяйстве отца были 3 коровы, 3 лошади. По его собственному признанию, семья испытывала нехватку средств, позже отец приобрел жеребца-производителя, «благодаря чему семья обзавелась небольшим табуном лошадей». В девять лет Василия отдали в сельскую школу [9, л. 7], а в 1904 г. в двенадцатилетнем возрасте он был зачислен в первый класс Бийского мис-

сионерского катехизаторского училища – учебного заведения, которое готовило кадры для Алтайской духовной миссии и являлось кузницей учительских кадров для алтайцев. За шесть лет он прошел полный курс обучения и в июне 1910 г. получил свидетельство, дающее ему право работать учителем одноклассной церковно-приходской школы. В 1914 г. В.К. Манеев окончил Петроградские общеобразовательные курсы, а в 1916 г. числился преподавателем Чемальской двухклассной мужской школы. На тот момент в Горном Алтае было всего три двухклассных школы, помимо Чемальской – Улалинская и Черно-Ануйская [16, с. 71, 72].

После Февральской революции 1917 г. в ряде селений Горного Алтая прошли народные собрания, на которых волостные старшины и крестьянские начальники отстранялись от власти. Вместо прежней власти избирались исполнительные комитеты народных собраний [1, с. 21]. В те дни В.К. Манеев избирается председателем исполкома Чемальской волости, проработав председателем волисполкома с 1 марта по 1 июня 1917 г. [9, л. 6]

Февральская революция вызвала к жизни национальные движения в стране. В отечественной историографии достаточно подробно освещена борьба за выделение Горного Алтая из состава Бийского уезда в отдельную административно-территориальную единицу. Как известно, в мае 1917 г. Томское губернское народное собрание распорядилось провести в г. Бийске съезд коренного населения Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии. На состоявшемся в июне 1917 г. съезде в центре внимания был вопрос о признании самоуправления инородческого населения Алтая. Съезд образовал на переходный период временный орган местного самоуправления – Алтайскую горную думу с местопребыванием ее в г. Бийске. Василий Кондратьевич избирается 1 июня 1917 г. кандидатом в члены думы, которая значилась местом его работы до 18 февраля 1918 г. [9, л. 6] С начала 1918 г. он подписывает документы Алтайской горной думы уже в статусе члена думы [16, с. 72]. По его признанию, Алтайская дума создавалась решением Томского губернского собрания и должна была обслуживать коренное население Бийского уезда. Фактически же она являлась структурным подразделением Бийского уездного исполкома, члены думы находились на положении его инструкторов. «Бюджет думы составлялся случайными поступлениями, касса была всегда пуста, а потому самостоятельной работы не проводилось» [9, л. 8].

Не получив поддержки от Бийского уездного собрания в решении вопроса о выделении Горного Алтая в отдельную административно-территориальную единицу, Алтайская горная дума провела в с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск) с 6 по 22 марта 1918 г. Учредительный съезд инородческих и крестьянских депутатов. Съезд в одностороннем порядке принял решение о выходе Горного Алтая из состава Бийского уезда и образовании Карако-

рум-Алтайского округа. Была избрана Каракорум-Алтайская управа – исполнительный орган в составе пяти ее членов и трех кандидатов. Одним из членов управы стал В.К. Манеев, он заведовал отделом народного образования. Позже вступил в Военно-революционный комитет, созданный служащими Каракорум-Алтайской управы из числа бывших офицеров для подготовки свержения советской власти в Горном Алтае [9, л. 9].

После чехословацкого выступления Каракорум-Алтайская управа поддержала антибольшевистские силы. Ее руководители продолжили работу по организации в пределах Горного Алтая самостоятельного уезда, но несмотря на поддержку Алтайского губернского Земского собрания, юридическое признание нового уезда затянулось на полгода. Тридцатого декабря 1918 г. постановлением Земского отдела МВД Временного Сибирского правительства Каракорумский уезд получил официальное признание и законодательное оформление.

В мае 1919 г. в Горном Алтае было созвано уездное Земское собрание, В.К. Манеев стал его делегатом, представляя исполнительную власть в уезде в числе других двух членов управы: С.И. Гуркина и Д. Филатова [2, л. 43об.]. В августе 1919 г. был арестован. Как и заключенный ранее колчаковскими властями в тюрьму Г.И. Гуркин, также обвинялся в сотрудничестве с советской властью и в сепаратизме.

В автобиографии, представленной для Сибирской краевой контрольной комиссии, В.К. Манеев причиной ареста назвал неподчинение указам Колчака и обвинение в сочувствии большевикам. Освобожден распоряжением министра внутренних дел колчаковского правительства, областника В.Н. Пепеляева. Получил свободу благодаря хлопотам работавшей в канцелярии Пепеляева своей знакомой, бывшей курсистки Высших женских курсов К.В. Юргановой [9, л. 8]. После своего освобождения продолжил работу в Каракорум-Алтайской управе в прежней должности.

За время руководства В.К. Манеевым отделом народного образования ему удалось добиться заметных результатов в образовательной сфере. Позже это были вынуждены признать даже большевики, обосновывая необходимость организации самостоятельного уезда в пределах Горного Алтая. В пример при этом приводились результаты деятельности Каракорум-Алтайской управы: число школ увеличилось почти в два раза, были открыты два высших начальных училища и одна гимназия. Проведены учительские курсы, собрана библиотека по всем отраслям знания, начаты работы по переводу литературы на алтайский язык [11, с. 92].

После восстановления советской власти в Горном Алтае Каракорум-Алтайская управа в январе 1920 г. была официально распущена. К этому времени перед боль-

шевистским руководством стояла задача вовлечения коренных народов национальных окраин в систему советского государства. Ввиду отсутствия кадров особое внимание отводилось «старой» интеллигенции для привлечения ее на сторону большевиков. В результате арестованные деятели Каракорум-Алтайской управы были амнистированы и направлены на советскую работу, в учреждения и организации. В сфере народного образования, в переводческой деятельности, в культурном строительстве работали бывшие учителя церковно-приходских школ Алтайской духовной миссии. В.К. Манеев подал заявление о назначении его в двухклассную Чергачакскую школу. Ввиду острой нехватки учителей Горно-Алтайский уездный отдел образования удовлетворил его просьбу [16, с. 72].

В декабре 1920 г. В.К. Манеева переводят на работу в г. Барнаул, в созданный отдел по делам национальностей Алтайского губернского исполкома. Подобные национальные отделы в губерниях создавались для осуществления национальной политики советской власти на местах. Губернские нацотделы организовывались с подотделами соответственно национальному составу губерний. Нацотделы создавались и в уездных центрах [13, с. 21]. С 7 декабря 1920 г. по 15 августа 1922 г. В.К. Манеев работал заведующим подотделом национальных меньшинств Алтайского губернского отдела народного образования, с перерывом с 11 февраля по 1 июня 1921 г., в этот период он заведовал алтайским подотделом в Бийском уездном отделе по делам национальностей [9, л. 6].

26 марта 1921 г. Сибревком постановил выделить Горный Алтай из состава Бийского уезда и образовать самостоятельный Горно-Алтайский уезд в составе Алтайской губернии. Идея организации Алтайской (Ойротской) автономии возникла в разгар борьбы с повстанчеством в 1921–1922 гг., в рядах которых алтайцы составляли значительную часть. Активно используемые ранее лозунги повстанцев, выступавших против большевистской власти о самостоятельности алтайского народа, вынуждали партийно-советские органы Сибири инициировать вопрос об организации национальной автономии в Горном Алтае.

Образованию автономии предшествовала большая политическая дискуссия о путях национально-государственного развития алтайского народа. Летом 1921 г. при участии Сибревкома обсуждался вопрос о выделении тюрков Южной Сибири в отдельную автономию. Одним из инициаторов этой идеи являлся В.К. Манеев. Сиббюро ЦК, обсудив данный вопрос, признало организацию Ойротской автономной области в указанных границах нецелесообразной, поскольку территория указанного объединения не представляла единого целого в первую очередь, по причине экономической нецелесообразности. В ходе дискуссии между Наркомнацем и Сиббюро

ЦК РКП (б), которая продолжалась в течение осени 1921 г., Оргбюро ЦК РКП(б) 15 ноября 1921 г. приняло сторону Сиббюро и отвергло идею создания автономии в пределах Горно-Алтайского и Хакасского уездов [12, с. 86].

С образованием в июне 1922 г. Ойротской автономной области В.К. Манеев возвращается в Горный Алтай. Ввиду острой нехватки кадров, его привлекают к работе в областном ревкоме. На заседании обкома РКП(б) от 13 октября 1922 г. отдельно рассматривался вопрос «О тов. Манееве (беспартийном, выдвиженце), кандидате на должность члена облревкома». В ходе обсуждения была заслушана его характеристика: «Как работник беспартийный, занимающий по своей работе ответственные посты, проявил себя вполне лояльно к советской власти. При колчаковщине подвергался репрессиям за большевистский уклон. Среди инородческого населения области пользуется авторитетом, по отношению к порученному ему делу является исполнительным. Как кандидат, выдвинутый в члены Облревкома, отвечает своему назначению [3, л. 51]. Итак, несмотря на работу в прошлом в Каракорум-Алтайской управе, В.К. Манеев характеризовался как работник, лояльный советской власти, и был принят на работу в облревком без каких-либо подозрений.

С октября по декабрь 1922 г. В.К. Манеев работал членом Облревкома, нередко руководство поручало ему выступать с докладами о проблемах народного образования, которые были хорошо ему знакомы как бывшему школьному работнику. Партийные власти автономной области нуждались в установлении взаимодействия с коренным алтайским населением. С этой целью была создана переводческая комиссия при отделе народного образования, однако из-за невыплаты жалования возникли трудности в поддержке сотрудников. В.К. Манеев ходатайствовал об отпуске хлеба переводческой комиссии в количестве 100 пудов из дотационного фонда. Принимал участие в разработке тарифов за переводческие услуги, занимался подбором кадров переводчиков [4, л. 44].

С 4 декабря 1922 г. по 1 марта 1923 г. он вступает в должность заведующего отделом управления [9, л. 6]. В задачи В.К. Манеева входила разъяснительная работа и доведение до учреждений и организаций области всех распоряжений вышестоящих органов власти, координация деятельности местных Советов, а также организация деятельности по определению административных границ области.

В первый год становления Ойротской автономной области перед ее руководством стояла проблема организации системы народного образования. В.К. Манеева направляют на практическую работу по реализации этой задачи, и 5 мая 1923 г. он вступает в должность заведующего отделом народного образования [8, л. 9].

Организация школьного дела происходила в условиях разрухи, вызванной гражданской войной. Ойротская автономная область к началу 1923 г. находилась в тяжелом социально-экономическом и финансовом положении: денежное обращение практически отсутствовало, объем поступления налогов оставался незначительным, областной бюджет испытывал сильный дефицит. Ойротский облисполком называл материально-финансовое положение учреждений области из-за невыплаты зарплат «катастрофическим». Ввиду угрозы «развала» учреждений вследствие оттока кадров Ойротский облисполком принял в декабре 1922 г. решение о сокращении штатов [4, л. 81].

Из-за ограниченного бюджета и отсутствия средств учителя стали уходить из школы. В.К. Манеев добился от Наркомпроса получения в течение 1923 года денежной помощи в размере более 640 тыс. руб. В результате учителя стали возвращаться в школы, к концу года 90 % школ области были укомплектованы учительскими кадрами [5, л. 56]. Кроме того, он способствовал изданию учебников на алтайском языке для национальных школ.

Занимая должность заведующего отделом народного образования, он возглавлял органы при облисполкоме, связанные с улучшением жизни детей: комиссию по детской безнадзорности (областной деткомиссии) и комиссию по несовершеннолетним преступникам. Тяжелым следствием гражданской войны стало большое количество беспризорных детей, указанные структуры занимались задачами ликвидации беспризорности, создания специальных детских учреждений для малолетних правонарушителей. В.К. Манеев проводил работу по организации интернатов для обучения детей из малоимущих групп населения [10, л. 43] и оказания материальной помощи таким учреждениям.

Государство оказывало материальную поддержку Ойротии, но слабые возможности налогооблагаемой базы и низкий уровень доходности бюджета сдерживали развитие автономии в первые годы ее становления. Из-за тяжелого положения Ойротской автономной области поднимался вопрос о вариантах ее дальнейшего существования. Для обсуждения сложившейся ситуации Президиум ВЦИКа образовал 21 июля комиссию под председательством А.И. Чапчаева [12, с. 108]. Прибыв в Улалу, А.И. Чапчаев организовал работу по выработке варианта административно-территориального статуса Ойротской автономной области и ее административных границ. В состав комиссии вошли 6 человек: А.И. Чапчаев, П.Я. Гордиенко, секретарь Ойротского обкома РКП(б), Н.Ф. Меджит-Иванов, председатель Ойротского облисполкома, И.С. Алагызов, член президиума Ойротского облисполкома, О.И. Марк, заместитель председателя Ойротского облисполкома, В.К. Манеев, зав. Отделом народного образования Ойротского облисполкома.

После десятидневного обсуждения комиссия выдвинула три варианта проекта области: 1. П.Я. Гордиенко, Н.Ф. Меджит-Иванов, И.С. Алагызов предлагали в своем проекте сохранить название области, объединив ее с Бийским уездом и Горной Шорией, центр области перенести в г. Бийск. Горный Алтай и Горную Шорию выделить в национальные районы; 2. О.И. Марк выступал за сохранение Ойротской автономной области в прежнем административном статусе, но без трех северных аймаков Майминского, Успенского и Лебедского с преобладанием русского населения, которые предлагалось передать в состав Бийского округа. Административный центр области при таком варианте переносился в серединную часть региона, в с. Онгудай [10, л. 33]. Третий проект предложил В.К. Манеев.

По данным, которые привел новосибирский историк В.А. Демидов в своей монографии, В.К. Манеев предлагал изъять из области русские селения северных Уймонской и Лебедской волостей и в качестве компенсации передать Ойротской автономной области территории с компактным проживанием шорцев Кузнецкого уезда и кумандинцев Бийского уезда. Такой вариант. По мнению В.К. Манеева, обеспечивал большинство коренного населения и давал гарантию активного участия в советском строительстве [12, с. 110].

Пять лет спустя, объясняя перед Областной Контрольной комиссией свою позицию летом 1924 г., он подчеркнул лишь о стремлении присоединения к Ойротской автономной области территории Горной Шории, не говоря о передаче русских селений Ойротии Бийскому уезду, не упоминая о предложении обмена населением [10, л. 33].

Но несмотря на разногласия, среди сторонников разных точек зрения на будущее Ойротии, сохранялось взаимопонимание. Карьерное положение В.К. Манеева оставалось устойчивым, после состоявшейся дискуссии он становится кандидатом в члены РКП(б). В личном листке для кандидатов в члены Российской Коммунистической партии (большевиков), заполненном 5 августа 1924 г., поручителями значатся руководители области и одновременно его оппоненты: Н.Ф. Иванов, П.Я. Гордиенко, И.С. Алагызов, О.И. Марк [9, л. 4].

Комиссия не приняла единого мнения о будущем Ойротской автономной области, окончательное решение вопроса ввиду разных мнений отводилось Сибкрайкому РКП(б). Реальная возможность утраты самостоятельности Ойротской автономной области побудила сторонников ее сохранения в прежнем статусе подключить общественное мнение, получить публичную поддержку со стороны алтайского населения и добиться ее правового оформления.

Двадцать шестого августа 1924 г. в областном центре

с. Улала состоялось официальное собрание представителей алтайского населения от сельсоветов волостей: Чемальской (9 чел.), Майминской (9 чел.), а также Лебедской (1 чел.) и Улаганской (1 чел.) и от села Улала (55 чел.). Прибыли по одному представителю от Чемальского и от Улаганского волостных исполкомов, присутствовал один человек из Кузнецкого уезда. Собрание проходило с участием И.С. Алагызова, Л.М. Эдокова, В.К. Манеева и представителя ВЦИКа А.И. Чапчаева.

В повестке собрания значился вопрос «О дальнейшем существовании Ойротской автономной области». А.И. Чапчаев проинформировал собравшихся о причинах своего приезда, о работе комиссии и ознакомил с содержанием всех трех предложенных проектов развития области. Собрание представителей четырех волостей высказалось за проект В.К. Манеева, оформив решение в протоколе: «Собрание ойратов с. Улал, Улаганской, Лебедской, Чемальской и Майминской волостей высказывается за принятие третьего проекта (тов. Манеева) как наиболее отражающего интересы ойротской национальности, т.е. считает необходимым оставление области в ее прежней территории с присоединением к ней туземцев Кузнецкого уезда Томской губернии и Бийского уезда Алтайской губернии.

Проект тов. Иванова и Марк[а] признать нецелесообразным» [6, л. 148].

Следует предположить, что инициатором организации собрания являлся В.К. Манеев. Об этом может свидетельствовать тот факт, что все три представителя от его родного села Чемал являлись однофамильцами, а скорее всего – его близкими или дальними родственниками: Манеев И. (Чемальский волисполком), Манеев С.К., Манеев С.А. (Чемальский сельсовет). Возможно, решение собрания сыграло свою роль при вынесении решения о статусе области.

Четвертого сентября Сибкрайком РКП(б), заслушав доклад уполномоченного ВЦИКа А.И. Чапчаева, вынес постановление о сохранении Ойротской автономной области в прежних границах, а присоединение к ней Хакасии и Горной Шории признал невозможным. Область решено было выделить значительные средства, создать условия для подготовки национальных кадров [12, с. 110]. Сибкрайком РКП(б) счел необходимым снять с должностей секретаря Ойротского обкома РКП(б) П.Я. Гордиенко и председателя Ойротского облисполкома Н.Ф. Меджит-Иванова. Они были переведены на работу за пределы Ойротии. Место секретаря обкома ВКП(б) занял Л.А. Папардэ, а председателя облисполкома – И.С. Алагызов [12, с. 111].

Казалось, В.К. Манеев одержал победу в споре за сохранение Ойротской автономной области в прежнем статусе. Но обращение для достижения своей цели к

мнению общественности, к тому же – исключительно из национальной среды, заставили обратить на себя внимание органов ОГПУ.

По собственному признанию В.К. Манеева, отношение к нему со стороны руководящего состава области изменилось с лета 1924 г., после дискуссии о вариантах административно-территориального статуса Ойротской автономной области и о ее административных границах: «До лета 1924 г. у меня не было никаких недоразумений» [10, л. 33].

В партии и в ОГПУ идея объединения тюркских народов Южной Сибири в одну республику всегда вызывала настороженность. С лета 1924 г. группа деятелей алтайской интеллигенции, ратовавших за объединение, попала под наблюдение чекистов. Горно-Алтайский историк Г.П. Самаев, изучив архивные документы Ойротского ОГПУ, когда их еще не засекретили вновь, привел в своей работе данные о том, что в августе 1924 г. чекистами было заведено агентурное дело под названием «Черный большой», позднее измененное на «Пантюркисты». Основанием послужило упомянутое выше собрание представителей некоторых волостей, прошедшее 26 августа 1924 г. Внимание сотрудников ОГПУ привлекли высказывания некоторых присутствующих и решение собрания.

Год спустя круг лиц, относившихся к националистам, стал называться «националистической группой». К лидерам «группы» были отнесены заведующий отделом народного образования Ойротского облисполкома, а впоследствии представитель Ойротской автономной области при ВЦИКе В.К. Манеев, член переводческой комиссии областного отдела народного образования Г.М. Токмашев и Л.М. Эдоков (секретарь Горно-Алтайского облисполкома – М.К.). К руководителям группы отнесли также известного художника, бывшего председателя Каракорум-Алтайской управы Г.И. Чорос-Гуркина, находящегося в то время в эмиграции [15, с. 63].

В докладной записке отдела Ойротского ОГПУ от 28 июля 1925 г. указывалось, что «националистическая группа» считает своими врагами и принимает все меры к дискредитации среди алтайцев таких работников, как Марка – заместителя председателя облисполкома, Папардэ – секретаря обкома ВКП(б), Алагызова – председателя облисполкома, Кочеева – заведующего земуправления, Ильинского – помощника прокурора области. Алагызов обвинялся «националистами» в том, что он всецело подчинен Марку, не способен отстаивать интересы алтайского народа» [15, с. 64].

В.К. Манеев ставил ему в вину, что тот не стал отстаивать идею включения Горной Шории в состав Ойротской автономной области [10, л. 33], что вызвало в дальнейшем неприязненные отношения между ними. В отзыве о работе В.К. Манеева в должности заведующего ОблОНО

ВКП(б) О.И. Марк, на том момент секретарь Ойротского обкома, написал заключение: «Алтаец-выдвиженец Манеев В.К. руководящих качеств не проявил», «в работе ориентируется слабо», поэтому ставился вопрос о целесообразности его перевода на школьную работу [9, л 10]. Позже В.К. Манеев высказывал свое несогласие с подобной оценкой своей деятельности.

Тем не менее партийно-советское руководство области продолжает считать В.К. Манеева работником, доказавшим свою лояльность партии. В марте 1926 г. Ойротский облисполком утверждает его на ответственную работу представителем области при Президиуме ВЦИКа [16, с. 73]. В этом же 1926 году В.К. Манеева принимают в ряды ВКП(б).

Работая в Москве, он продолжал озвучивать идею объединения Ойротии, Горной Шории, Хакасии в одну республику. Указанный вопрос инициировался со стороны ряда руководящих работников Ойротского облисполкома постоянно, начиная с образования Ойротской автономной области в 1922 г. и находил поддержку в Москве, в частности – в Наркомнаце. Но в 1924 г. партийное руководство Сибирского края высказалось достаточно определенно, подчеркивая свою отрицательную позицию к этой идее. Ее дальнейшее будирование уже расценивалось как антипартийное деяние.

Органы ОГПУ вели наблюдение за «националистами» в 1926, 1927 и в 1928 гг. По мнению чекистов, в 1928 г. «националистическая группа» перенесла центр своей деятельности в Москву, где В.К. Манеев работал представителем Ойротской области при ВЦИКе. «Националистическая деятельность» его и его единомышленников заключалась в продолжающихся попытках объединения Ойротии, Хакасии и Горной Шории в единую административную единицу под названием Тюркской республики [15, с. 64].

С изменением к концу 1920-х гг. общественно-политической ситуации в стране ужесточалась позиция государства по отношению к представителям «бывших» сословий, недавним противникам советской власти в прошлом. Накануне «Великого перелома», летом 1929 г. в стране развернулась «Генеральная чистка», основные цели которой заключались в мобилизации населения против представителей «чуждых» классов и исключении из партийных рядов и сферы управления всех заподозренных в нелояльности к власти.

На В.К. Манеева к этому времени уже было собрано достаточно компрометирующих сведений, которые, очевидно, были частично преданы огласке. Позже он писал в партийные органы: «с 1928 года до меня стали доходить слухи, что мое прошлое не совсем чисто. Я на это не обратил внимания, зная, что ничего особенного у меня в прошлом нет, что беспокоило бы меня, но в то же вре-

мя не мог отрицать и того, что может быть и готовится против меня» [10, л. 31]. В марте 1929 г. В.К. Манеев был отозван из Москвы обратно в Горный Алтай, с назначением на должность управляющего филиалом Сибторга в Ойротии. Вернувшись, он столкнулся, по его признанию, с отчужденностью по отношению к себе со стороны коллег и знакомых.

Заседание «чистки» по В.К. Манееву было назначено ранее установленных сроков кампании «Генеральной чистки», на 24 апреля. К разбору его персонального дела партийный актив тщательно подготовился, для «затравки» и формирования соответствующего настроения решили провести предварительное собрание Ойрот-Туринской городской организации ВКП(б). Дату проведения назначили за две недели до основного заседания – 11 апреля, с привлечением членов партии, общественности, трудовых коллективов. В условиях нагнетания классовой ненависти собрание представляло собой публичное унижение «виновника» этого события. Сам В.К. Манеев в апелляционной жалобе описал атмосферу прошедшего мероприятия: «Подобного собрания я еще не видывал и не переживал по стихийности: оно так ошеломило меня, что я не помню, как пришел домой на квартиру. Меня здесь так ругали и клеймили позорными именами – примазавшийся бандит, гнойник, колчаковский каратель и обливали всякой гадостью вплоть до того, что когда я вступал в партию то я якобы прежде всего советовался с попами – что я так поражен был всем происшедшим, что не мог выступить с опровержением» [10, л. 32об.].

Однако собрание проходило не спонтанно и не являлось стихийным, как полагал В.К. Манеев. Проведению показательного мероприятия предшествовала скрупулезная подготовительная работа. Еще в конце марта 1929 г., за две недели до предварительного собрания, сотрудники Ойротской областной комиссии ВКП(б) собирали показания свидетелей о фактах прошлой деятельности В.К. Манеева [10, л. 10].

Моральная расправа продолжилась на заседании чистки 24 апреля. Персональные чистки проводились при высокой активности общественности, ее массовое участие в проведении чисток считалось обязательным [17, с. 106]. Массовость и публичность чисток, как отмечает С.А. Красильников, переводили «возраставшую в обществе социальную напряженность в русло сведения счетов с прошлым и ее носителями, так называемыми «бывшими», значительная часть которых в силу достаточного уровня культуры и образованности оказалась занятой в управленческой сфере» [14, с. 75].

При большом количестве присутствующих В.К. Манееву публично предъявили ряд обвинений: прошлая деятельность в Каракорум-Алтайской управе, мнимое участие в «банде», направление на учебу выходцев из классово-чуждой среды, материальная помощь отцу-

лишенцу, неформальные встречи с представителями «националистической группы» и обсуждение с ними кадровых вопросов, выступления перед студентами-алтайцами в Москве о необходимости занятия алтайцами ключевых постов в управлении и т.д. Одним из главных обвинений, помимо ложного участия в банде, являлась «националистическая деятельность» в попытках создания «независимой» республики тюрков Южной Сибири. Итогом стало решение об исключении из рядов ВКП(б) и снятии с руководящей должности. Решения заседания «чистки» направлялось на утверждение в областную Контрольную комиссию ВКП(б). Двадцать шестого апреля 1929 г. все прозвучавшие обвинения были опубликованы в областной газете «Ойротский край», сделав их «публичным достоянием» в масштабах всей области.

В.К. Манеев оказался в пустоте, в полной мере испытал бойкот со стороны бывших знакомых и коллег по работе. В своем заявлении от 11 мая 1929 г. в адрес Контрольной комиссии о непризнании решения заседания чистки он просил пересмотреть свое дело. Приведем некоторые фрагменты письма для иллюстрации атмосферы травли лиц с «подозрительным прошлым», сложившейся в обществе к этому времени: «Если меня раньше знали как не бандита, то сейчас я слышу за самого злого бандита, даже среди ответработников партийцев, которые соответственно и должны относиться ко мне с пренебрежением. Я не могу каждому доказывать противное, а в повседневной работе мне приходится со всеми работниками встречаться. Общественное мое положение убийственно безотрадное, меня избегают, со мной не говорят, а если и говорят по служебной необходимости, то это делается нарочито официально. Я вижу, что меня не критикуют, а травят под видом критики. Из старых моих знакомых никто ко мне не заходит, боятся навлечь подозрения в связи со мной. Посоветоваться по своей работе, как это делается при нормальных отношениях, мне никак не удастся. Служащие смотрят на меня как на временного человека, начинают бузить и манкировать службой. Есть такие явления, когда распространяют слухи о том, что меня не только лишили работы, но и квартиры. Всякий может бросить плевков как бандиту. Вот таково мое безотрадное положение в обществе. Все это производит на меня удручающее впечатление. Может быть у меня с психикой неладно, но оставаться в таком положении я не в силах, когда каждый день мне приносит новые неприятности бесправного. Считаю для себя не заслуживающим, а потому убедительно прошу Контрольную комиссию мое дело разобрать в спешном порядке, это требуется в интересах дела» [10, л. 11об.-12].

В такой ситуации естественным побуждением являлась попытка оправдания и снятия с себя необоснованных обвинений. В.К. Манеев 10 мая 1929 г. пишет в Ойротскую областную Контрольную комиссию ВКП(б) заявление о непризнании решений заседания чистки. После дополнительного расследования с него снимается

приписываемое ему участие в банде. Эта единственная победа в борьбе за свою репутацию воодушевила В.К. Манеева, но прежние обвинения остались в силе. Президиум областной Контрольной комиссии своим решением 25 июля 1929 г. сохранил прежнее решение об исключении из партии и снятии с должности. В партийных органах уже сложилось предубеждение к В.К. Манееву как к бывшему члену Каракорум-Алтайской управы, сотрудничавшему с колчаковской властью. Этот «темный факт» биографии В.К. Манеева требовал от партийных органов рассматривать его дело с позиции «презумции виновности». Такая ситуация имела место по всей стране, когда «подозрительное прошлое». По справедливому замечанию Т.М. Смирновой, приравнивалось к «враждебному прошлому» [17, с. 111].

В.К. Манеев вновь направил заявление в областную комиссию о своем несогласии, обвинения в свой адрес называл голословными и бездоказательными. Пытался объяснить, что попытка выдвижения национальных кадров на руководящие посты в Ойротский облисполком не является проявлением национализма, а инициативы по созданию Тюркской республики путем объединения существовавших национальных административно-территориальных образований народов Южной Сибири нельзя относить к сепаратизму. Обращался к знакомым и к бывшим сослуживцам с просьбами дать письменные свидетельства о том, что ряд фактов о нем не соответствует истине.

Двадцать пятого октября 1929 г. областная Контрольная комиссия ВКП(б) опять подтвердила прежнее решение об исключении из партии. Не добившись снятия обвинений в областной Контрольной комиссии ВКП(б), в ноябре 1929 г. он написал третье заявление с просьбой о пересмотре своего дела, на этот раз – в Сибирскую краевую Контрольную комиссию ВКП(б), которая 21 декабря 1929 г. согласилась с предыдущим решением областной Контрольной комиссии об исключении из партии и снятии с руководящей должности. К этому времени В.К. Манеев работал учителем в Улалинской двухклассной школе.

Последнюю, четвертую попытку снять с себя обвинения он предпринял в сентябре 1930 г. Центральная Контрольная комиссия ВКП(б) своим решением 10 ноября 1930 г. оставила прежние решения краевой и областной Контрольных комиссий без изменений. В значительной степени повлияли на формулировку обвинений в адрес В.К. Манеева заключения органов ОГПУ: Ойротского ОГПУ и Восточного отдела УчОСО ОГПУ. В справках-заключениях о личности Василия Кондратьевича, предоставленных чекистами для контрольных органов ВКП(б), он охарактеризован как националист и как пособник колчаковского режима в прошлом [10, л. 50, 56-56об.].

Публичное осуждение и травля, возможно, напря-

мую отразились на семье. Отец Кондратий Манеев был раскулачен, а в июле 1930 г. ему отказали в ходатайстве об отмене решения о раскулачивании [7, л. 110].

Свою оценку деятельности В.К. Манеева и его единомышленников выразил в 1931 г. П.Я. Гордиенко, на то момент секретарь Ойротского обкома ВКП(б): «Берзин, Донец, Скорин, Манеев, Сары-Сеп Конзычаков и Тиббер-Петров – бывшие каракорумцы, приспособившиеся к новым условиям по другим городам Сибири, держали связи с Горным Алтаем и продолжали свое влияние на бедняцкие слои интеллигенции. Некоторые из перечисленных лиц впоследствии оказались в коммунистической партии, но это не мешает признать за ними в тот период вину организаторов общественного мнения, направленного против зарождающихся форм советизации Ойротии» [11, с. 95]. Мнение П.Я. Гордиенко можно считать официальной точкой зрения ВКП(б) по отношению к бывшим лидерам национального движения алтайцев, которые отстаивали свое видение национально-государственного развития Горного Алтая.

Чистка 1929 года определила дальнейшую судьбу В.К. Манеева. Известно, что в начале 1930-х гг. он работал преподавателем Ойротской совпартшколы. В январе 1934 г. В.К. Манеев был арестован по обвинению в том, что он и другие члены «контрреволюционной группы националистов» Л.М. Эдоков, Г.М. Токмашев, А.С. Теньгерев, И.И. Зяблицкий, Г.И. Кумандин, проводили «активную работу против советской власти и осуществляли националистическое влияние в области». В качестве главного обвинения называлось стремление указанных лиц повысить статус и потенциал Ойротской автономной области путем создания автономной республики, объединяющей Ойротию, Хакасию, Шорию и земли кумандинцев и телеутов. Особой тройкой Постоянного президиума ОГПУ по Западно-Сибирскому краю обвиняемые были приговорены к различной мере наказания, В.К. Манеева осудили к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. О дальнейшей его судьбе неизвестно.

О его семье также нет сведений, в анкетных данных на январь 1922 г. указано, что он был холост [16, с. 73].

Жизненный путь В.К. Манеева во-многом определили его среда, его происхождение, политические события в стране, насущные нужды своего народа. Выходец из православной обрусевшей телеутской семьи, он получил приличное применительно к условиям Горного Алтая образование в системе Алтайской духовной миссии. Февральская революция 1917 г. выдвинула В.К. Манеева как представителя немногочисленной национальной интеллигенции в ряды лидеров национального движения алтайцев. Главные их цели заключались в достижении административно-территориальной самостоятельности

Горного Алтая и автономии для алтайского народа, задач социального и политического характера они отводили второстепенное значение.

В условиях колчаковского правления удалось добиться организации Каракорумского уезда в пределах Горного Алтая. После победы большевиков и восстановления советской власти в крае исполнительный орган уезда Каракорум-Алтайская управа была объявлена пособником колчаковского режима, такие же обвинения были предъявлены членам управы, в том числе и В.К. Манееву. В условиях нехватки национальных кадров и в целях включения коренного населения в систему советского государства они получили амнистию и приступили к работе в сферах управления, образования, культуры. В.К. Манеев инициировал идею объединения тюрков Южной Сибири в единую республику, рассматривая ее как единственный вариант сохранения экономического потенциала и самодостаточности автономии алтайцев, хакасов и шорцев. Подобный взгляд на дальнейший путь национально-государственного развития автономии алтайского народа противоречил точке зрения партийных руководителей разного уровня и всегда вызывал с их стороны настороженность и опасение.

Ухудшение социально-экономической ситуации в стране к концу 1920-х гг. заставило партийное руководство развернуть широкую кампанию по вытеснению из общественной и политической жизни всех потенциально нелояльных существующему строю элементов. В регионах развернулась «Генеральная чистка партийных рядов и советских учреждений от «чуждых элементов», к которым относился В.К. Манеев. Его былая работа в Каракорум-Алтайской управе вызвала подозрение, а взгляды на развитие алтайской автономии характеризовались как «националистические». В условиях нагнетания классовой ненависти и мобилизации населения против лиц с «подозрительным прошлым» он подвергся травле, исключению из рядов партии и снятию с руководящей должности. Несмотря на попытки доказать голословность ряда обвинений в свой адрес, добиться полного их снятия ему не удалось. Впоследствии В.К. Манеев разделил участь многих представителей национальной интеллигенции, был арестован и приговорен к заключению. К сожалению, о дальнейшей судьбе, как и о его семье, на сегодняшний день пока неизвестно. Не вызывает сомнений значительный вклад его подвижнической деятельности в развитие народного образования и в становление национальной государственности своего народа.

Приходится отметить, что жизненный путь В.К. Манеева рассмотрен недостаточно полно. Исследование биографии его и других представителей первого поколения общественных и политических деятелей Горного Алтая еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Горного Алтая: сборник архивных документов 1917–2016 гг. / Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай; редколлегия: Р.К. Сагдыева [и др.]; составители: Н.В. Шарабура [и др.]. – Кемерово: Флекс-Арт ПО, 2016. – 405 с.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 3. Д. 77.
3. Государственный архив Республики Алтай (Госархив РА). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Республики Алтай (Госархив РА). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 280.
5. Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3.
6. Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 12.
7. Госархив РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 207.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1025.
9. ГАО. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 1365.
10. ГАО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 2024.
11. Гордиенко П. Ойротия. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 142 с.
12. Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1970. – 224 с.
13. Демидов В.А. От Каракорума к автономии: Пособие к спецкурсу. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1996. – 156 с.
14. Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. – 2020. – № 8. – С. 164-192.
15. Самаев Г.П. Репрессии 1930-х гг. в отношении алтайской интеллигенции // Билим. Серия: история. Отв. за выпуск Г.П. Самаев. – 2005. – Вып. 1. – С. 63-72.
16. Самаев Г.П. Соратник Г.И. Чорос-Гуркина В.К. Манеев // История и современность Чемальского района. Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию района. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 71-74.
17. Смирнова Т.М. Чистка соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – № 3. – С. 103-120.

© Каташев Максим Степанович (kms_37@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»